

ПРОЛОГ

1739 год

— Я должна умереть. Пора.
Нежные руки Софи скользнули вверх по груди Элайджи, а затем ему за шею.

— Но если ты ошибаешься... — Он оказался не в силах закончить предложение, и его голос оборвался.

— Я *не* ошибаюсь! — отрезала она. Эта медноволосая фурия всегда была вспыльчивой.

Элайджа отстранился и встал у ближайшего окна, чтобы понаблюдать за бурлящей ночной жизнью за стенами замка. Он редко завидовал простолюдинам. Однако сегодня вечером, когда он смотрел, как конные экипажи катят по мощеным улицам, развозя пассажиров домой после легкомысленных празднеств и избытка выпитого пива, чтобы они могли безрассудно возлечь со своими возлюбленными, его челюсть сжалась от обиды. Почему его проблемы не могут быть такими же банальными?

На короткое время Элайджа обратил свой взор на площадь, где все еще тлели костры под обугленными останками трех женщин. Это была самая масштабная казнь в округе, пламя, разожженное епископом в его горячем стремлении спасти человечество от колдовства. На этот раз в качестве доказательства вины этих женщин церковь привела чуму полевок, уничтоживших урожай года. В следующий раз они найдут доказательство злой руки Сатаны в заразе, что похищает детей, или в наводнении, которое затопит урожай.

В этом было больше правды, чем предполагал дородный епископ. Но Элайджа знал, что церковь двигало не столько искоренение причины зла, сколько стремление сохранить власть, в то время как возводился новый храм.

И это безумие распространялось.

Как граф Монтегард, Элайджа имел лишь ограниченное влияние на церковь. Тем не менее он мог бы остановить сегодняшнюю резню. Мог проскользнуть в зияющие тени резиденции епископа и свернуть шею этому ханжескому придурку, возглавлявшему атаку. Но его безвременная кончина только подстегнула бы интерес и воодушевила массы. Другой быстро взойдет на его место, еще больше женщин погибнет на огненном ложе, и вскоре внимание обратится на эти каменные стены и особую знать, что прибыла ночью, дабы заявить о себе.

А дальше слухи о ереси и зле не заставят себя ждать. Это был лишь вопрос времени, когда у ворот собралась бы взбешенная толпа с вилами и мечами, а Элайджа и Софи были бы вынуждены бежать, точно крысы, чтобы начать все сначала в другом месте.

Он хорошо знал, как все должно произойти. Он не единожды проживал это в той или иной форме. И так, Элайджа лениво сидел в своем уютном замке и слушал крики горящих женщин.

Софи скользнула к нему сбоку и пальцем убрала выбившуюся прядь волос с его лба.

— Я не могу больше жить вот так, прячась в тени и ожидая верной гибели.

— Не беспокойся об этих фанатиках, любовь моя.

— Адель не волновалась, и посмотри, что с ней случилось, — мрачно напомнила она ему о своей самой близкой подруге, переехавшей в Лондон, рядом с обгоревшим трупом которой Софи плакала прошлой весной.

Впрочем, ему не нужно было напоминать. Той ночью, охваченная необузданной яростью, Софи разрушила целое аббатство, виновное в смерти Адель, включая его обитателей, одним движением руки. За все годы своего пребывания на этой земле Элайджа никогда не видел

подобной силы. Это казалось одновременно и невероятным, и пугающим.

Дабы слишком много свидетелей не подтвердило причастность Софи к резне, он был вынужден немедленно вывезти оттуда ее изнуренное тело. Однако последние сообщения, полученные из-за границы, вызывали тревогу. Гильдия Заклинателей знала, что за резней стоит Софи, и требовала сурового наказания за ее подстрекательство к мятежу.

Тем временем люди охотились за ведьмой с волосами цвета дьявольского пламени. Уже четыре жертвы, соответствовавшие этому описанию, погибли за ее преступление.

Элайджа не мог винить Софи за то, что она отомстила за гибель Адель. Они росли вместе, еще девчонками бегали по узким улочкам Парижа в перерыве между уроками, а в юности ночами напролет танцевали на площадях, очаровывая мужчин своей соблазнительной красотой и неукротимым нравом. Сердце Софи было пылким, а ее верность — вечной. К сожалению, когда ее ранили, она отдалась эмоциям, поглотившим потребность в самосохранении.

Элайджа вздохнул.

— Адель была неосторожна. Кроме того, я никогда не позволю причинить тебе вред.

— А что со временем? Его ты тоже остановишь? — Софи знала, куда ударить, чтобы причинить самую острую боль. — Безумие вызывает ко мне даже сейчас, в этот самый момент. Не знаю, сколько еще я смогу не отвечать на его зов.

Элайджа вздрогнул, опустив взгляд на величественный дуб, растущий в саду во дворе, — его уже тронуло дыхание осени, и скудный ветерок шелестел золотыми листьями. В воздухе уже чувствовался ледяной поцелуй зимы. Она прибудет через две недели, лишит дерево красоты, а земле принесет покой. Софи презирала этот

долгий и унылый период, но Элайджа находил некое утешение в видимом течении времени.

Под этим листовным навесом должно было быть место погребения Софи, если их судьба не изменится, хотя Элайджа предпочитал склеп под часовней, где ему удалось бы лучше охранять ее останки.

Проживет ли она до первого снегопада?

Элайджа находил непостижимым то, что эта женщина, которой не исполнилось и тридцати лет, с сияющим молодым лицом и юношеским задором, текущим по венам, скоро выскользнет из его рук. Однако он знал, что безумие, о котором она говорила, было правдой. Много лет назад Элайджа видел, как оно овладело другой такой же, как она, оставив лишь пустую бормочущую оболочку могущественного элементаля, коим она когда-то была, с белыми, как мел, редкими волосами, стеклянным взором и неспособностью творить магию. Она провела свои дни как узница Гильдии, выкрикивая бессмысленные фразы, которые летописцы называли пророчествами.

Хотя он и не желал этого признавать, Элайджа уже начал замечать в Софи тревожные признаки: апатичные взгляды, перепады настроения, бессвязные заклинания, непреднамеренно срывающиеся с ее языка. Он не мог вынести того, что Софи превращалась лишь в тень той яркой женщины, которую он обожал.

Конечно, она не позволит этому случиться.

Какой-то мужчина, спотыкаясь, вывалился из таверны и пьяной кучей рухнул на землю прямо на пути двух ломовых лошадей. Глаза Элайджи расширились: мысль о том, что он увидит, как кого-то затопчут до смерти, подняла ему настроение. По крайней мере, сегодня проблемы этого человека могли посоперничать с его собственными. Элайджа в предвкушении схватился за каменный выступ, наблюдая, как лошади плетутся к обмякшему телу человека, за несколько секунд до того,

как раздавят его голову, точно спелую дыню. В последний момент двое мужчин схватили пьяницу за пятки и потащили в безопасное место. А лошади галопом умчались в ночь.

Да будут прокляты эти чертовы добрые самаритяне.

Элайджа осматривал улицы в поисках другого человека, попавшего в более тяжелое положение, чем его собственное, зная, что шансы невелики. Его внимание остановилось на молодой паре посреди любовной ссоры, которая быстро переросла от криков и яростных жестов к стремительному удару коленом в пах мужчины. Растущая толпа зрителей разразилась смехом, когда молодой человек согнулся, корчась от боли. Несмотря на свое горькое настроение, Элайджа усмехнулся.

Впрочем, Софи это не остановило.

— Малакай ответил мне, и мы должны действовать быстро. Ты слишком долго откладывал.

— Когда Гильдия узнает, они убьют нас из принципа, — предупредил Элайджа, как и много раз до этого. Представители Гильдии запретили такие опасные вызовы по уважительной причине — из-за соглашения, которое привело к миру после столетий войны между Заклинателями и Нетленными.

— Что сделано — то сделано. — На ее лице читалась мрачная уверенность. — *Если* они узнают, то смогут накачать меня. Однако, если мы этого не сделаем, я в любом случае погибну.

— А вскоре после этого и я.

Его глаза снова метнулись к земле под дубом. Если любимая ошибалась, к утру могильщик вырыл бы в этой земле две ямы, ведь без Софи Элайдже не было смысла жить.

Но он еще не готов был попрощаться.

— Еще один закат.

При условии, что безумие, прячущееся за этими изумрудными глазами, не одолеет раньше.

Софи ответила не сразу. Но, когда это произошло, ее голос прозвучал резко, будто взмах идеально заточенного лезвия.

— Что ж, отлично.

Шелковые слои ее вечернего платья зашуршали, когда она направилась к двери. Но прежде, чем Софи успела добраться до нее, Элайджа оказался в другом конце комнаты и рукой преградил ей выход.

— Ты не сможешь потребовать это ни от кого другого.

Она прекрасно знала это, и все же ее изумрудные глаза сверкали неповиновением, и Элайджа боялся, что она поступит опрометчиво.

Софи решительно вздернула подбородок.

— Тогда ты должен мне доверять.

— Я не доверяю *не тебе*. — Он никак не мог избавиться от ужасного предчувствия. — Разве когда-нибудь Малакай даровал кому-либо желаемое, не требуя взамен *всего*? — Из всех Судеб Судьба Огня был известен не своим состраданием, но безжалостностью и гордыней. Так было всегда.

И все-таки Софи решила, что *он* должен умолять.

Элайджа пришел в ярость, когда она впервые рассказала, что связала себя узами рабства с Малакаем.

Это невозможно было отменить.

— Но я избранная. Пламя Малакая течет в *моих* венах.

Элайджа вздохнул, его терпение висело на волоске. Софи была молода и высокомерна, ее вера в тех, кто даровал ей огромную силу, оставалась непоколебимой. Она еще не ощутила их гнев.

Софи провела кончиками пальцев по очертаниям его подбородка, словно призывая встретиться с ней взглядом.

— Если мы будем сидеть сложа руки, то меня скоро не станет. Лучше я умру сегодня вечером, чем потеряю контроль над этим миром завтра. Но я *не* умру. И ты *не* умрешь. В этом меня уверил Малакай, — настаивала она, улыбаясь Элайдже. — И мы справимся с любыми последствиями, которые могут возникнуть. *Вместе*.

Она излучала такую уверенность. Элайджа отчаянно хотел ей поверить. Существовала причина, по которой ее и почитали, и проклинали в Гильдии, — способности Софи не имели себе равных в этом мире.

И хотя эти силы в конце концов ускользнут от нее, она была готова пожертвовать ими этой ночью ради вечности с ним, и эта правда не ускользнула от Элайджи.

— Ты невыносимая женщина. — В его тоне не слышалось и намека на гнев.

— Да, но я навсегда останусь *твоей* невыносимой женщиной.

Он взял ее руку в свою и поднес ко рту, дабы прижаться губами к гладкому белому камню ее обручального кольца. Элайджа завершил жест еще одним вздохом, и они оба поняли, что это было — безоговорочная *капитуляция*. Элайджа не желал больше откладывать.

Отстранившись от него, Софи подошла к широкой кровати, где они провели так много ночей, слившись в объятиях друг друга. На столе горела одинокая свеча — единственный источник света в комнате, — но она светила ярко и наполняла воздух сладким ароматом меда.

Элайджа с растущим возбуждением наблюдал, как Софи сбрасывает платье и исподнее, пока не осталась лишь нагая кожа. С озорной улыбкой красавица забралась на кровать и вызывающе опустила на колени, ее пышные груди вздымались с каждым вдохом. Элайджа мог чувствовать ее бешено бьющееся сердце и то, как кружится у нее голова от вожделения. Софи взмолилась Судьбе, использовав все свои силы, пока не высо-

сала все до последней капли, и он внял ее зову, когда пробил тревожный час.

— Возможно, эти люди правы в своих христианских убеждениях, а ты их дьяволица и явилась, дабы искушать их, — поддразнил Элайджа, подходя к ней. Обнаженной и жаждущей Софи было невозможно сопротивляться, даже несмотря на ужасные обстоятельства, — факт, который она хорошо знала.

— Тогда им никогда не следует встречаться со мной. Она потянулась к его штанам.

— И *это* требование вызова?

— Это *мое* требование. Плата, если хочешь. — Ее пальцы ловко скользнули по крючкам и пуговицам, поспешно раздевая его. Вскоре одежда Элайджи лежала рядом с ее шелковым платьем.

Они занимались любовью со своим обычным рвением, пока их кожа не заблестела, тяжелое дыхание не сбилось, а их крики не разнеслись по замку, даря домочадцам повод похихикать на следующее утро.

Когда они оба насытились, Софи откинула с шеи влажные волосы, поманив его к себе.

— Да будут Судьбы милостивы, — прошептала она, глядя на Элайджа открытым взглядом, который намекал на тот же трепет, что поглотил и его.

Элайджа наклонился, желая вдохнуть ее опьяняющий запах — аромат розовой воды, усилившийся после их ласк.

— Если не здесь, то в Захале. — Глупая мечта, ведь сомнительно, что такой, как он, когда-то сумел бы перейти в эту загробную жизнь, но то была мечта, о которой стоило грезить.

Элайджа царапнул зубами нежную кожу Софи — в прошлом такой безобидный шаг к соблазнению. На этот раз, однако, она выгнула спину, увлекая его приливом крови, что струилась по ее венам.

Несколько раз моргнув, Софи избавилась от тумана беспомощности и взглянула на плотный бархатный балдахин, задрапированный сверху. Тусклый дневной свет пробивался в окно, отбрасывая тени в опочивальню.

Зазвонили церковные колокола, возвещая начало службы в деревне. Слабый сладковатый аромат дыма и меда витал в воздухе.

Софи улыбку, сокрушительный страх неудачи покинул ее сердце. Она преуспела.

Слабость сковывала ее конечности. Элайджа сказал, что так и будет. Но она уже почувствовала, что изменилась. В ее теле медленно и ровно стучало *новое* сердце. Это был новый рассвет для нее. Если Судьбе будет угодно, то Софи увидит бесчисленное множество других рассветов, а любовь и дружба будут всегда сопровождать ее.

— Элайджа? — прохрипела она, горло пересохло от жажды. Софи хлопнула ладонью по перине рядом с собой в поисках его внушительного тела. — Сработало. Мы сделали это.

Ответом была лишь тишина.

Софи повернулась и обнаружила, что кровать пуста. Странно, что он бросил ее именно в это утро из всех возможных, однако он мог пойти за завтраком к прислуге. Элайджа знал, как она наслаждалась своей первой трапезой в постели, и всегда стремился угодить ей. Хотя Софи предполагала, что ее пища могла выглядеть иначе, особенно вначале.

Она все еще ощущала, как врожденная искра глубоко внутри нее мерцает в праздном ожидании.

Еще одна странность, учитывая, что Софи отдала свою силу Малакаю в обмен на эту новую бессмертную форму. Она попыталась призвать его, но слишком ослабла,

и магия осталась там, где и должна была, — вне досягаемости. Или, возможно, теперь это был просто призрак из ее прошлой жизни, словно отсутствующая конечность, которая обманывала своего владельца, заставляя его чувствовать, будто она еще на месте.

Жжение в горле стало невыносимым. Элайджа сказал, ей нужно будет быстро поест, дабы подавить неприятные ощущения и набраться сил, и что он непременно окажется рядом, чтобы помочь ей. Так где же он?

Софи поднялась с кровати.

От вида обнаженного тела Элайджи, распластавшегося на ковре, у нее перехватило дыхание. Она бросилась к нему, чтобы встряхнуть за плечо.

— Элайджа! — воскликнула она. Ее страх все возрастал. Кожа Элайджи под ее пальцами оказалась холодной. Что-то было не так. Такие, как он, просто так замертво не падали.

Использував всю свою силу, Софи перевернула его. И задохнулась от того, что увидела.

— Нет, нет, нет... — Она обхватила его щеки дрожащими ладонями. Исчезли проникновенные карие глаза, которые напоминали ей плодородную почву после проливного дождя. Их сменила серая дымка. — Элайджа!

Софи яростно встряхнула его обмякшее тело, хотя уже подозревала, что это бесполезно.

Повинуясь инстинкту, она закрыла глаза и снова призвала свои силы. На этот раз они беспрепятственно откликнулись. Все же Малакай их не забрал. Однако сейчас ей не следовало беспокоиться о том, что это значило. Софи направила в неподвижное тело Элайджи невидимые щупальца магии в поисках ответов.

Ее сердце затрепетало от надежды при виде возникшего образа. Элайджа был жив, блуждая в густом бесконечном тумане.

— Элайджа!

— Софи? — Голос любимого эхом отдавался в пустоте, прозвучавшее имя будто пропиталось страхом.

— Я тебя вижу! — воскликнула она, желая, чтобы он ее услышал.

С душераздирающим криком боли Элайджа рухнул на застланную туманом землю. Образ исчез из ее сознания, оборвав их связь.

— Нет! — прохрипела Софи, снова пропуская сквозь него свою магию. На этот раз призрачное тело отпрянуло в момент прикосновения к нему и обратилось в пепел. Снова и снова она пыталась достучаться до него, пока ее зов не перестал откликаться, а силы не истощились.

Софи припала лбом к груди Элайджи и завывала от отчаяния. Время, проведенное в Гильдии, научило ее этим ужасам. Древнейшие тексты повествовали о месте между складками времени и измерений, куда Судьбы изгоняли души блуждать в вечном одиночестве, рассказывали о пустом небытии, которое не было ни Захалой, ни Азóдемом, а кое-чем более страшным. Большинство считало это очередным бредом провидцев. Но теперь Софи знала: *Нуллинг был реальным*, и Элайджа оказался запертым в нем, далеко за пределами ее досягаемости.

Как это могло произойти? Это было совсем не то, что обещал Малакай! Он наблюдал? Они наслаждались ее болью?

— Я не понимаю! Я избранная! — закричала она, надеясь, что он слушает.

Разве Софи не заслужила этого счастья? Она была такой преданной. Разве она недостаточно его восхваляла? Неужели Софи каким-то образом задела его хрупкое эго? Возможно, Малакай просто преподал ей урок. Может, Малакай еще освободит Элайджу от проклятия. Софи цеплялась за эту тонкую нить надежды, рыдая и игнорируя свой голод. Печаль переполняла ее, и она жаждала, чтобы вчерашний день вернулся.

К ночи Софи дрожала от слабости и скорбела от утраты. Но больше всего на свете сгорала от сожаления. Было ошибкой доверять Малакаю. Сейчас она это отчетливо видела. И все же он не лишил ее огромной силы, которую она отдала ему. Это могло означать только одно — он еще не закончил с ней.

— Я все исправлю, — почти шепотом пообещала Софи неподвижному телу Элайджи, надеясь, что эти слова смогут настичь его там, где не смогла ее магия. — Я никогда не остановлюсь.

Она снова почувствует тепло его прикосновения и нежность поцелуя своего возлюбленного. Или умрет в бесконечных попытках обрести это.

2020 год

В тусклом свете фонарей стройная фигура Софи оставалась такой же неподвижной, как и тело в каменном гробу. Ее силы были сосредоточены на молитве. Каждый день она проводила здесь много часов, стоя на коленях под полуразрушенным сводом часовни, пока камни не врезались в ее плоть, а кровь не просачивалась в землю.

Почти три века мольбы.

Почти три века пустых обещаний.

Годы тянулись долго, отмеченные изнурительной борьбой и голодом, а также одиночеством, с которым Софи училась выживать, прячась в тени, пока принимала свою новую бессмертную природу. Ей приходилось бесчисленное множество раз словно изобретать себя заново, лишь бы избежать нежелательного внимания: менять личность, убегать из дома ночью, стирать любые следы, которые могли бы намекнуть Гильдии и другим

ее врагам, что Софи Жерар погибла не так давно. При всем этом она оставалась непоколебимой в своих мольбах о пощаде, обращенных к Малакаю. Другие никогда не признают ее, хоть она и пыталась достучаться до них. Именно с Судьбой Огня она была навеки связана.

Но теперь Софи дошла до грани.

Она поднялась на ноги, не обращая внимания на струйки крови, стекавшие по ее голеним из ран, которые заживут в течение нескольких часов, будто их никогда и не бывало вовсе. С холодным спокойствием она забралась в просторный гроб, дабы занять свое место рядом с любимым.

Раньше она держала Элайджу рядом с собой, в спальнях своих домов.

Осуществлялось подобное не без труда, особенно когда непослушные слуги натыкались на свежий человеческий труп в ее постели. Слухи о зле и колдовстве преследовали ее, куда бы она ни направилась, и Софи уже начала беспокоиться, что не сумеет защитить Элайджу.

Наконец, она вернула себе их первый совместный дом — замок на вершине холма — и прогнала оттуда всех людей. Разрушающийся подвал, куда никто не отважился проникнуть, стал их убежищем.

Именно здесь Софи построила новое святилище, куда могла ежедневно вызывать Малакаю, не опасаясь, что ее обнаружат. Иногда, как сегодня, молитвы встречались молчанием. В другой раз — нет. Малакай прибывал в своей телесной форме, приказывал ей проявить терпение, поскольку однажды «придет день, когда она воссоединится с Элайджей». Малакай отправлял ее на странные миссии, смысл которых она не могла понять, и приказывал не задавать вопросов — наверняка это была часть хитроумной паутины тайн, которую он сплел. Время от времени Малакай требовал, чтобы она раздевалась и предлагала себя на алтаре, а он мог бы использовать ее, как пожелает, — так, что и ее тело,

и ее сердце преисполнялись боли, но по совершенно разным причинам. В последнее время подобные визиты участились, а требования стали смелее.

Спустя три века Софи больше не верила, что Малакай собирался даровать ее мужу свободу.

Она грустно улыбнулась, поглаживая пальцами щеку Элайджи. Сейчас он казался таким же красивым, как в тот день, когда Малакай забрал его у нее. Было бессердечно сохранять его таким безупречным. Софи чувствовала бы себя легче, если бы от него не осталось ничего, кроме пыли и костей. Впрочем, так поступала Судьба — жестоко шутила даже над самыми преданными.

— Прости меня, любовь моя. — Софи сжала гладкую обсидиановую рукоятку кинжала, позволив свету огня отразиться от священного металлического лезвия. Она не была уверена, что рана, которую собиралась нанести Элайдже, освободит его от этого проклятия, но не сомневалась: эта рана освободит ее от своего — *проклятия вечной муки*.

— Да будут Судьбы милостивы, — прошептала она, зная, что этого не произойдет. Софи поднесла острое лезвия к груди Элайджи, набравшись смелости, дабы вонзить его в плоть.

Вдруг на металле отразилось мерцание, заставляя Софи замереть. Затем еще одно, намек на движение, после которых последовал скрежет о камень. В этих стенах жили грызуны, и на них охотились кошки, однако она не чувствовала биения их сердец, к тому же никто не производил такого шума.

Пульс Софи участился, когда внутри хранилища появилось сияние, отбрасывая на трещины в каменном потолке и стенах теплый мерцающий свет. Выпустив из рук кинжал, она приподнялась и села на колени. Ее рот приоткрылся от благоговения при виде силуэта, что вырисовывался в центре сырого помещения. *Его*

величественные рога пылали пламенем. Она видела его бесчисленное количество раз, но таким — *никогда*.

— Время пришло, — прогремел низкий голос Малакая. — Ты моя верная слуга?

Софи выбралась из гроба, дабы упасть на колени и прижаться лбом к земле перед Судьбой Огня.

— Навечно.

Чтобы вернуть Элайджу, она сделает все, о чем ее попросят.